

ВЫХОД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО СООБЩЕСТВА ИЗ СОЦИАЛЬНОГО ШОКА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ*

Ангелина Сергеевна ВАЩУК,

доктор исторических наук, заведующая Отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: va_lina@mail.ru

В статье анализируются социально-демографические последствия войны, послевоенного «социального шока», показана позитивная и деструктивная реакция дальневосточного общества на послевоенную реальность, рассмотрены процессы адаптации демобилизованных в регионе. Проблемы отражены в рамках методологии синтеза исторической демографии, социальной антропологии и микроистории на основе архивных источников.

Ключевые слова: дальневосточное общество, семья, рождаемость, ментальный комплекс, смертность, демобилизация, трудоустройство, преступность.

The social consequences of Great Patriotic War: way out far-eastern society of “social shock” of wartime.

A.S. Vashchuk, Institute of History, Archeology and Ethnography of the peoples of the Far East. FEB RAS, Vladivostok.

The article is devoted to socio-demographic displays of war, post-war “social shock”, and also to positive and destructive reaction of far-eastern society on the post-war reality. The process of adaptation of demobilized is considered. This problem are analyzed in methodology of integration historical demography, social anthropology and micro-history on the basis of archives resources.

Key words: far-eastern society, family, birth-rate, mental complex mortality, demobilization, labour, criminality.

Отодвигается исследовательский горизонт от грозных лет войны, историки открывают и вводят в научный оборот новые источники. Сменяются поколения, вносятся новые акценты в понимание состояния общества, перенёсшего трагедию и социально-демографическую катастрофу, расширяется «угол видения» тяжелейших последствий войны для советского общества.

Тема социального послевоенного опыта всегда интересовала историков, на разных исторических этапах, отделяющих нас от непосредственных событий, в литературе с большой значимостью отражены явления войны. Советские исследователи, как правило, акцентировали внимание на созидательных практиках — трудовом энтузиазме, формах социалистического соревнования, трудовых успехах людей тыловых территорий, преданности коммунистическим идеалам

* Статья выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН «Стратегия обеспечения социально-политической безопасности на Дальнем Востоке России во второй половине XX в.» № 09—III-A-11—550.

и политическим лидерам. Со второй половины 80-х гг. XX в. в период «гласности» стали появляться публикации, посвящённые разрушительно-деструктивным явлениям войны — преступности, насилию, случаям наказания за нарушение трудового законодательства и т.д.

Избежать крайностей в научном отборе фактов, характеризующих выход общества из состояния войны, позволяет синтез демографической истории с микроисторией, элементами повседневности, ментальным измерением, являющийся методом социальной истории. Используя предложенную методологию на примере отдельных сфер общественной жизни, необходимо показать сложную природу состояния общества и советского человека, вышедшего из войны, независимо от фактора влияния коммунистической идеологии и нахождения территории под оккупацией или в зоне боевых действий. Проявления ментальности в историческом исследовании мы будем обозначать через понятие «комплекс» [1, с. 17].

Войны всегда отличались тем, что «втягивали в свою орбиту» всё общество. Любая война отрицательно сказывается на физическом и морально-психологическом его состоянии. Советскому народу победа стоила миллионов человеческих жертв и на многие десятки лет вперёд определила состояние здоровья нации, которое является физическим ландшафтом преодоления послевоенного «социального шока»*. Последствия голода 1946 г. и огромных трудностей с продовольственным фондом 1947—1948 гг. проявились и на территории Дальнего Востока [2, с. 3], хотя в меньшей степени, чем, например, в Украине. Хроническое недоедание, употребление в пищу суррогатов, длительные физические и моральные перегрузки отразились почти на каждом советском человеке. Распространёнными диагнозами тех лет были инфекционные желудочно-кишечные заболевания. Так, в Приморье в 1946—1948 гг. отмечался рост гастроэнтероколитов, в 1948—1950 гг. — дизентерии, 1946—1947 гг. — токсической диспепсии [4. Оп. 7. Д. 1871. Л. 10—12, 78, 79; Оп. 23. Д. 208. Л. 158; Д. 260. Л. 47; 5. Оп. 27. Д. 103. Л. 41—42 об., 92—93 об.; Д. 117. Л. 48—49 об.; 6. Оп. 10. Д. 38. Л. 70—71; Д. 40. Л. 73—74 об.; Д. 43. Л. 11—12 об.; 7. Оп. 5. Д. 557. Л. 37 об.; Оп. 6. Д. 340. Л. 54—55 об.; Д. 341. Л. 57—58 об.; 8, с. 63]. Туберкулёз стал социальным бичём, особенно для населения Северо-Востока, где в годы войны практически отсутствовала его профилактика. Одним из явлений первых послевоенных лет, неожиданным для органов здравоохранения, стало увеличение венерических заболеваний [4. Оп. 35—38. Д. 9. Л. 49—51; 9. Оп. 6. Д. 92, 93, 145 и др.], тенденция эта прослеживалась и на Дальнем Востоке, в частности на территории Хабаровского края [8, с. 112]. Заболевания приводили к высокой смертности коренного населения, особенно на территории Корякского национального округа [4. Оп. 35—38. Д. 9. Л. 45—51].

Выход из экстремальных военных условий сопровождался не только затянувшейся ситуацией низкого материального положения, но и тяжёлыми морально-психологическими перегрузками, которые вызывали своеобразные способы снятия напряжения, в том числе уход от реалий с помощью алкоголя. Устоявшиеся в обществе со времён войны «наркомовские сто граммов» способствовали тому, что крепкие алкогольные напитки стали мощным инструментом воздействия как на фронтовиков, так и на тех, кто трудился в тылу. Призывы, укрепляющие веру в Победу, звучали на экранах и в песне.

* В современной литературе выделяются три стадии процесса адаптации: социальный шок, мобилизация защитных средств (адаптивных ресурсов), ответ на вызов среды. См.: Корель Л.В. Социология адаптации: этюды социологии. Новосибирск, 1997. С. 122.

Ну-ка, товарищи, грянем застольную,
Выше стаканы с вином,
Выпьем за Родину нашу привольную,
Выпьем и снова нальём.

(Песня «Выпьем и снова нальём». 1942 г.
Слова А. Тарковского, музыка И. Любан).

К концу войны алкогольная «стимуляция» приобрела грандиозный размах, но после 9 мая 1945 г. соответствующие постановления были отменены [10, с. 342]. Для населения Дальнего Востока отношение к горячительным напиткам стимулировалось суровым климатом, огромной концентрацией пенитенциарной системы, большим числом профессий, связанных с пребыванием на море, в тайге и т.д. Эти факторы способствовали распространению и сохранению пьянства как социального явления с различными последствиями. Местные работники торговли, озабоченные любой ценой обеспечить планы торговли и товарооборота, шли простым путём. На Камчатку, Сахалин, на территорию Дальстроя крепкие алкогольные напитки завозились в огромных объёмах. Это не смущало высшее руководство, хотя на местном уровне партийные органы постоянно подвергали работников торговли критике за их «подход» к решению задачи увеличения товарооборота. Например, в структуре продовольствия на душу населения в Магаданской области 1/4 составляли спирт и вино, а по Чукотскому национальному округу — почти 33% [11. Оп. 5. Д. 7. Л. 225]. Не только сложные жизненные обстоятельства сопровождались употреблением алкоголя, но и «трудовые» победы, что часто приводило к социальным проблемам и усилению различного рода преступлений. Путь выхода общества из послевоенной ситуации психологических и физических перегрузок с помощью алкоголя оказался жестоким и опасным.

Выход из «социального шока» сопровождался повышенной смертностью и на территориях, где не было боевых действий. Так, Приморский и Хабаровский края вошли в число районов РСФСР, где смертность в 1946—1947 гг. увеличилась по сравнению с 1945 г.: в Приморье — на 27,4%; Хабаровском крае — 10,3%; на Сахалине в 1948 г. по сравнению с 1947 г. увеличилась на 4,8%, а детская — возросла на 22,8% и была одной из самых высоких по Российской Федерации [12, с. 33; 13. Оп. 5. Д. 1172. Л. 50—52; 14. Оп. 10. Д. 147, 451. Л. 74, 151]. Дальний Восток входил в число регионов, где в возрастной структуре умерших детская смертность оставалась высокой в течение пяти послевоенных лет [8, прил. № 4]. В табл. 1, составленной дальневосточным исследователем М. В. Ульяновой, представлены данные, раскрывающие причины (диагнозы) смертности.

Доля умерших от дизентерии и воспаления лёгких в Хабаровском крае, ЕАО и Амурской области превышала соответствующие показатели в Приморье, а от острого гастроэнтероколита в Приморском крае была самой высокой. В Приморье в 1950 г. вырос удельный вес смертей по двум видам заболеваний — дизентерии и воспаления лёгких; в Хабаровском крае, в том числе в ЕАО, наблюдалось увеличение умерших от трёх видов заболеваний. Увеличение коэффициента смертности от кишечно-желудочных заболеваний в Хабаровском крае, ЕАО, Амурской области отмечалось в 1950—1951 гг. в отличие от Приморья и страны в целом, где уже наметились некоторые изменения. В Приморье и по стране в целом наметились некоторые положительные изменения. Ухудшение социально-экономической ситуации в 1950—1951 гг. привело к падению рождаемости в Амурской области и Хабаровском крае, наблюдалось истощение биологического резерва мужчин репродуктивного возраста, что сказалось на рождаемости и брачности. Всё это влияло на естественное воспроизводство населения.

К числу демографических факторов, определявших трудности выхода дальневосточников из состояния социального шока, была повышенная смертность среди мужчин: 60—67% в Хабаровском и 51—61% в Приморском краях, 53,3—59,8% в ЕАО и 54,0—56,8% в Амурской области. Среди умершего населения трудоспособного возраста мужчины составляли 72—81% в Хабаровском и 67—74% в Приморском краях, 58,8—70,6% в ЕАО и 59,8—66,4% в Амурской области [8, с. 67]. Выживаемость женского населения оказалась выше мужского, причём разница в 1946 — начале 50-х гг. составляла от 0,8 до 1,3 % в Приморье, 0,8—1,7 в Хабаровском крае, 0,2—1,3 в ЕАО и 0,2—0,7 % в Амурской области [8, с. 68]. Основными причинами смертности на Дальнем Востоке по-прежнему оставались социальные [8, с. 68]: физические перегрузки, несоблюдение правил техники безопасности, голод, плохое питание, а также занятость мужчин в отраслях промышленности с экстремальными условиями труда.

Социально-психологической базой выхода из экстремальной послевоенной обстановки стал историко-генетический комплекс «долготерпимости» советского человека. Присоединяясь к мнению историков-антропологов, которые уверены в том, что с этой ментальной чертой российского человека мало кто может сравниться и даже превзойти, тем не менее можно утверждать, что советскому человеку не удалось избежать социально-психологического шока. Одним из его признаков стал кризис семейно-брачных отношений. Рост занятости женщины на производстве в военное и послевоенное время стал повсеместным явлением: в 1945 г. — 50—51%. Выполнение женщиной функции материального обеспечения семьи имело и другие стороны: росло признание её на производстве, но в то же время прослеживалась тенденция роста судимости женщин, связанная с нарушением законов [15. Оп. 6. Д. 14. Л. 20].

Война вызвала процесс дезорганизации семьи, «разрыв семейного единства», нарушение структуры социальной роли мужчины и женщины в семье. Рост бракоразводных процессов, гражданские браки, создание новых семей, рождение детей в неполных семьях пронизывали все сферы жизни. Попытки реанимировать семейно-брачные отношения административными мерами и методами привлечения к партийной ответственности приносили желаемый результат только в исключительных случаях и не сказывались на стабилизации числа разводов.

На Дальнем Востоке хотя и наблюдался сравнительно низкий уровень разводов (менее одного на 1000 чел.), однако для послевоенных лет была характерна тенденция роста общего коэффициента разводимости. В 1952 г. число разводов в СССР по сравнению с 1946 г. увеличилось в 3,8 раза [16. Оп. 3. Д. 230. Л. 179]. Советское общество столкнулось с проблемой детской обездоленности, названной современниками «безотцовщиной». На Дальнем Востоке, особенно на территории Сахалинской и Еврейской автономной областей, удельный вес детей, у которых в «Свидетельстве о рождении» отсутствовала запись об отце, был выше, чем в среднем по СССР [8, с. 140]. Исключение составляла Амурская область, где преобладало сельское население, которое более трепетно и консервативно относилось к установленным нормам брачных отношений*.

В послевоенное десятилетие на Дальнем Востоке наблюдалось два пика рождаемости внебрачных детей: 1945—1946 и 1949—1950 гг. [8, с. 140]. В этих явлениях переплелись многие факторы, в том числе и приезд на Дальний Восток населения, пребывание которого было временным. Это военнослужащие, рабочие по оргнабору, мигранты, скрывавшиеся от алиментов (особенно на Сахалине)

* По данным О.М. Вербицкой, матери-одиночки в СССР, проживавшие в послевоенные годы в деревне, встречались в два раза реже, чем в городе.

и др. Психологические установки «временщика» переносились и на межличностные отношения. Нельзя исключать сознательное стремление женщин иметь детей в сложившейся демографической послевоенной ситуации, характеризующейся гендерной диспропорцией. В выборе женщин определённую роль сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям», усиление охраны материнства и детства, установление почётного звания «Мать-героиня», учреждение ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [17, с. 608]. По замыслу политиков он должен был оказывать содействие укреплению семьи, однако на практике всё оказалось сложнее.

Послевоенное демографическое развитие региона было тесно связано с социальной проблемой — возвращением демобилизованных, увеличением числа инвалидов, с особенностями периода адаптации фронтовиков к мирной жизни. Кроме того, в дальневосточном регионе дополнительную нагрузку создавали последствия непростой адаптации переселенцев к новым климатическим условиям — в море, на шахтах, в леспромхозах. Всё это выливалось в общие «показатели» состояния здоровья как главного базиса преодоления «социального шока». Особой территорией был Северо-Восток, где испытание суровым климатом, принудительными формами труда, а также острым дефицитом жилья (в том числе низким качеством жилищно-бытовых условий) снижало продолжительность жизни. Например, в Магаданской области к 1954 г. в основном жилом фонде Дальстроя 94% были деревянные, каркасно-засыпные и «землянно-моховые» постройки 15—20-летней давности [18, с. 206]. Особенности и тягости быта отмечены в исследованиях учёных [19; 20, с. 220—268] и воспоминаниях, например приехавшего в Магаданскую область в начале 50-х гг. А.С. Сидорова, заслуженного деятеля науки РФ, чл.-кор. РАН: «Условия жизни в разведрайонах были ещё более суровыми... Несмотря на зиму, при отсутствии спальных мешков почти не было угля для отопления помещений. Везде стоял собачий холод... Впрочем, я был уверен, что любые трудности объективны и их надо преодолевать. Правда, иногда недоумевал — на кой чёрт так подробно сообщают о богатейшем снаряжении полярных экспедиций» [21, с. 41].

Выполнение общественного долга на производстве было естественным состоянием для дальневосточников и поддерживалось ментальным комплексом «социалистического превосходства», что нашло отражение в многочисленных публикациях историков и воспоминаниях современников о трудовых буднях и социалистическом соревновании. Однако война ввергла человека в сплошной механизм подчинённости независимо от территории, была ли она ранее линией фронта или глубоким тылом. В регионе, как и в целом в стране, сохранялось действие законов и указов военного времени: на железнодорожном, морском и речном транспорте, жёсткое закрепление рабочих и служащих за предприятиями. Рабочий день составлял свыше 8 часов, очень часто использовались сверхурочные часы работы. На Дальнем Востоке контроль над соблюдением законов и всех инструкций по труду на железнодорожном транспорте осуществляли военные трибуналы Амурской и Дальневосточной железных дорог. Самовольный уход с работы квалифицировался как дезертирство (УК РСФСР 1934 г. ст. 19—27 п. «Г»). Согласно Указу (15 апреля 1943 г.) лицо, работавшее на железнодорожном производстве, считалось мобилизованным и «закреплённым за железнодорожным транспортом».

Очень тяжело приходилось женщинам, которые имели грудных детей. В конце 1945 — начале 1946 г. наметились первые шаги по смягчению наказаний за дезертирство. Настроение, что война закончилась и можно смягчить наказания,

Таблица 1

Удельный вес умерших по видам заболеваний в Хабаровском, Приморском краях, ЕАО и Амурской области в 1949—1951 гг. (в %)

Причина смерти	Удельный вес умерших											
	Приморский край			Хабаровский край			В том числе					
							Амурская область			ЕАО		
	1949	1950	1951	1949	1950	1951	1949	1950	1951	1949	1950	1951
Дизентерия	7,0	9,0	5,6	11,6	20,4	8,4	7,1	9,0	6,6	4,6	10,3	10,2
Воспаление лёгких	14,3	15,2	13,0	16,1	18,7	20,3	14,8	15,8	17,6	15,6	18,7	21,0
Токсическая диспепсия	8,6	8,0	6,6	4,5	6,6	6,5	8,7	8,7	10,5	9,0	7,5	6,4
Острый гастроэнтероколит	2,4	2,0	2,0	4,4	0,3	0,7	1,5	0,1	0,2	1,3	0,5	1,8

Источник: Ульянова М. В. Опыт адаптации участников Второй мировой войны. С. 63.

прослеживалось у ряда работников трибунала, прокуратуры и хозяйственников [22. Оп. 15. Д. 18. Л. 30]. Судимых стали направлять на исправительно-трудовые работы, некоторым давали условное наказание. Например, под контролем Военного трибунала Амурской железной дороги трудилось 37 281 чел., из них 35,2% женщины, 45,1% подростки до 18 лет. В первом полугодии 1945 г. было осуждено 324 чел. (9 чел. приходилось на 1 тыс. работавших), в первом полугодии 1946 г. — 374 чел. (10 чел. на 1 тыс. работавших), в целом число осуждённых «за дезертирство» уменьшилось на 13% [22. Оп. 15. Д. 25. Л. 42]. В 1947 г. на 1 тыс. работавших на предприятиях, находившихся под контролем Военного трибунала Амурской железной дороги, приходилось 4 осуждённых. Среди 90 чел., осуждённых за дезертирство, оказалось 15 женщин и 7 подростков (16—17-летних). После вынесения приговоров по условному наказанию рабочие направлялись в отдел железной дороги и возвращались на работу, а трибунал следил за порядком их использования.

В 1946—1947 гг. в практике многих руководителей на местах по-прежнему прослеживалось стремление работать методами военного времени, использовать карательные меры, полагая, что они будут способствовать повышению производственной дисциплины. Нередко в целях собственной безопасности руководители не выясняли истинных причин невыхода на работу, не разбирались со случаями неявки по уважительным причинам, а передавали материалы в суд. Так, начальник шахты «Октябрьская» на Сахалине необоснованно подал документы в суд на рабочего, который в тот день работал в забое. Директор рыбокомбината «Рейдовый» на Сахалине оформил материалы в суд на двух рабочих (они в тот день работали, но не были внесены в табель). Начальник шахты «Южно-Сахалинская» необоснованно предал суду 80 рабочих. В ходе расследования прокуратура установила, что «руководство не создало рабочим надлежащих жилищных условий, регулярно задерживало зарплату» [23, Оп. 155. Д. 4. Л. 13]. Из числа рассмотренных дел народными судами Сахалинской области за 1948 г. был оправдан 871 чел., что составляло 12,5% общего числа поданных дел [23. Оп. 1. Д. 554. Л. 77—83]. Для послевоенного времени это был внушительный социальный показатель, обеспечивавший доверие рабочих к власти, одно из условий преодоления социальных последствий войны. Оправдательных приговоров могло быть намного больше, если бы не установка сверху — максимально наказывать нару-

шителей трудовой дисциплины и прогульщиков (освобождался от ответственности только тот, кто не был замешан даже в малейших нарушениях).

Определённая часть прогулов на предприятиях Дальнего Востока — своеобразная внутренняя реакция людей на условия труда, что не всегда отражало отношение к работе: рабочие не выходили на работу из-за отсутствия спецодежды, невыплаты зарплаты и др. [24. Оп. 1. Д. 10. Л. 57]. Прогулы совершали в основном лица, прибывшие по оргнабору [24], а также выпускники ФЗО и ремесленных училищ [4. Оп. 38. Д. 29. Л. 247]. Возрастной состав привлечённых в 1950 г. за прогулы в Приморье — это молодёжь 18—25 лет (67,8% прогулов) [24]. Схема, по которой «молодое пополнение трудовых резервов» включалось в процесс труда на предприятиях региона, оказывалась стандартной. Как правило, каждый мастер старался любыми способами избавиться от «балласта», а если молодого специалиста всё-таки оставляли в коллективе, то с условием, что он будет работать на разряд ниже присвоенного в ФЗО. Так, несмотря на идеологические установки, закладывались предпосылки для новых социальных проблем.

Общей чертой социально-психологического состояния послевоенного общества стало накопление «отрицательной энергии» у подростков и молодёжи в годы войны. По всем сводкам, поступавшим в органы власти в конце 40-х — начале 50-х гг., проходил г. Комсомольск-на-Амуре, где 50% преступлений, совершённых рабочей молодёжью, были проявлениями хулиганства; на втором месте в этой структуре — кражи личного имущества. Среди привлечённых к уголовной ответственности были и комсомольцы, и члены ВКП(б), хотя удельный вес последних незначителен; 68% всех совершённых хулиганских действий приходилось на рабочую молодёжь, 33% — на лиц от 26 до 40 лет. Подавляющая часть из них проживала в общежитиях и пребывала в порядке «вербовки» [25].

Характер и масштабы Великой Отечественной войны, отношение к ней общества обусловили формирование жизненных позиций, социально-психологических особенностей фронтового поколения, что отразилось на их приспособлении к мирной жизни. В то же время демобилизация, став особым направлением в социальной политике первых послевоенных лет, была направлена на создание условий для адаптации фронтовиков. Они оказались на некоторое время специфической социальной группой общества, которую советское руководство вынуждено было особо выделять и поддерживать.

23 июня 1945 г. был принят Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» [26, с. 146]. Перед государством стояли задачи: организовать отправку фронтовиков в родные места, а также в особо трудодефицитные районы страны и содействовать их обустройству на местах. Однако транспортные коммуникации после войны не могли быстро доставить фронтовиков в родные города и сёла. Большие трудности возникали у демобилизованных, которые ехали в населённые пункты, расположенные далеко от железной дороги. Так, в январе 1946 г. начальник передвижных войск Дальневосточной железной дороги генерал-майор Карандин обратился в Военсовет Забайкальско-Амурского военного округа к генерал-лейтенанту Сорокину и секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) Назарову с просьбой принять срочные меры по отправке домой группы демобилизованных, ожидавших самолёта более одного месяца: «...некоторые из них находятся в тяжёлом материальном положении и доведены до отчаяния; по физическим недостаткам (с протезами) они не имеют возможности ходить за получением пищи в столовую, расположенную в трёх километрах от размещения... Размещены крайне скученно, спят по два человека на одной кровати». В случае непринятия Сорокиным и Назаровым срочных мер Карандин обещал обратиться лично к И.В. Сталину [4. Оп. 3. Д. 234. Л. 10], что и сыграло роль в решении этого вопроса.

К лету 1946 г. в Приморье прибыло 64 759 демобилизованных, в Хабаровский край — 71 963 чел., в том числе в Амурскую область — 35 432 чел., Сахалинскую область — 8603 чел.; Нижне-Амурская область Хабаровского края на 1 июля 1947 г. приняла 6285 чел. [4. Оп. 3. Д. 234. Л. 15; Оп. 18. Д. 53—54. Л. 95, 170—171; 8, с. 53]. К осени 1946 г. родные края приняли большую часть бывших фронтовиков (около 7 млн. чел.), полная демобилизация завершилась к 1948 г. [27. Оп. 122. Д. 147. Л. 130; 28, с. 45; 29, с. 8].

Кроме возвращавшихся фронтовиков на Дальний Восток приезжали переселенцы. Правительство стимулировало движение на восток Постановлением Совета Министров СССР от 14 июля 1947 г. На переселенцев распространялись льготы, установленные в 1937 г., размер ссуды по постановлению 1947 г. составлял: на индивидуальное жилищное строительство до 15 тыс. руб., приобретение скота — до 3 тыс. руб., на хозяйственное обзаведение — до 1 тыс. руб. на семью. Это касалось северных районов Хабаровского края, включая Сахалин. До 400 руб. полагалось семьям других районов края, в том числе Еврейской автономной области. Льготы распространялись на семьи демобилизованных, переселявшихся в Хабаровский край из Крымской, Херсонской, Николаевской, а также из центральных областей. Прибывшие получали льготы после обязательной поставки молока государству. Эти семьи имели право на кредит (3 тыс. руб.), предназначенный на покупку коров с погашением его в течение трёх лет. Но правительство, чтобы сократить расходы на переселение, устанавливало различные правила в действовавших инструкциях. Так, семьи, ехавшие в ЕАО из Николаевской и Днепропетровской областей, в пути следования не получали бесплатного питания и кредит могли взять до 2 тыс. руб. с погашением в течение пяти лет [4. Оп. 19. Д. 58. Л. 708].

Психологическим фактором, ускорившим выход дальневосточников из военного состояния, было стремление фронтовиков к трудоустройству. Это помогло их адаптации к мирной жизни и получению своей ниши в социальной системе. В соответствии с Законом от 23 июня 1945 г. «О демобилизации старших возрастов личного состава Действующей армии» местные власти, руководители предприятий и организаций должны были не позднее месячного срока со дня прибытия к месту жительства заняться их устройством; учитывался приобретённый фронтовиками опыт и специальность, полученная в армии. Последовавшие нормативно-правовые документы распространяли действие этого закона на другие очереди демобилизованных [26, с. 146].

Трудоустройство фронтовиков стало одной из актуальных тем на страницах газет, что свидетельствовало о его значимости в период перехода к мирной жизни [8, с. 85—86]. Государство контролировало процесс демобилизации не только из гуманных соображений, оно ориентировалось на утилитарную задачу — как можно быстрее решить проблему трудовых ресурсов, которая ставила многих в тяжёлую жизненную ситуацию, дальневосточники в этом плане не были исключением [27. Оп. 122. Д. 147. Л. 130; 30. Оп. 1. Д. 74. Л. 57; 31. Оп. 1. Д. 53. Л. 30]. Сложно было устроиться на работу по специальности, многим фронтовикам состояние здоровья не позволяло заниматься тяжёлым физическим трудом. На 1 октября 1946 г. в Приморском крае из числа прибывших демобилизованных, за исключением колхозников, не работало 4566 чел.; в Хабаровском крае на 1 августа этого года — 10 808 чел., в том числе в Амурской области безработными на 1 января 1947 г. оставались 1156 чел. Учитывая новый приток бывших фронтовиков в 1946 г., не работавших из их числа оказалось больше, чем в 1945 г. [8, с. 88]. Хабаровский край 24 августа 1946 г. попал в союзную сводку территорий, где «...устройство демобилизованных на работу шло с большими трудностями» [27. Оп. 122. Д. 147. Л. 130].

Участники войны, их жёны вынуждены были бороться за свои права, безусловно, в рамках советской политической культуры: обращаться в местные органы власти и писать в Москву. Удельный вес писем в местные органы власти по проблеме трудоустройства увеличился в 1946 г. до 16%, тогда как в 1945 г. они составляли всего 4% [8, с. 88]. Несмотря на дефицит кадров во многих отраслях, проблема трудоустройства этой категории населения в 1947 г. не была решена в некоторых районах и городах Приморья, Хабаровского края и Амурской области.

Основная масса бывших участников войны пополняла ряды работавших в промышленности: в Хабаровском крае на 1 октября 1945 г. в промышленность и госучреждения влилось 59,9% демобилизованных, в колхозы — 40%. Аналогичное распределение при трудоустройстве демобилизованных произошло в Амурской области к концу 1945 г. В 1946 г. в промышленность пошли работать 65,5%, в сельское хозяйство — 32,2% [8, с. 88]. В Приморье тенденция предпочтения демобилизованных работать в промышленности проявилась ещё более ярко. Так, на 5 февраля 1946 г. в промышленности и государственных учреждениях работало 79,5%, в сельском хозяйстве — 18,8%, советско-партийном аппарате — 1,2%; на 16 декабря соответственно — 81,5%, 17% и 1,4 % [31. Оп. 1. Д. 61. Л. 36—37; 32. Оп. 34. Д. 223. Л. 84].

Бывшие фронтовики, чтобы обеспечить свои семьи, стремились работать в угольной отрасли, даже если это не соответствовало их специальности [27. Оп. 122. Д. 147. Л. 129]. В первые два послевоенных года в Амурской области складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, в сельскохозяйственном производстве не хватало рабочих, с другой — оказывались нетрудоустроенными трактористы, комбайнеры, шофёры. Некоторые демобилизованные использовали любой случай, чтобы не возвращаться в деревню и стремились определиться на работу в промышленности, где был более высокий уровень заработной платы, а условия жизни в городе привлекательнее, чем в деревне. Органы власти на местах принимали жесткие принудительные меры, чтобы закрепить демобилизованных в колхозах. Например, в Яковлевском районе Приморского края 50 чел. из числа демобилизованных устроились на промышленные предприятия и в госучреждения, но ранее работавшим в колхозе было отказано в выдаче хлебных карточек, чтобы «принудить их вернуться в колхозы» [8, с. 89].

Адаптация к труду проходила на фоне сохранившегося с фронтовых лет комплекса «силы», и при неблагоприятных условиях некоторые участники войны совершали уголовные преступления. В союзной сводке 1946 г. в числе неблагополучных городов оказался г. Биробиджан (ЕАО), где в 1946 г. к уголовной ответственности было привлечено 23 демобилизованных [27. Оп. 122. Д. 147. Л. 184]. Проще было фронтовикам, возвращавшимся на свои родные предприятия. Они быстро включались в трудовые будни, выполняли и перевыполняли производственные нормы.

Объективные последствия изнурительных военных лет преодолевались дальневосточниками на базе советских ценностей, в их поведенческом комплексе проявлялась ментальность в ряде черт, имеющих сложную синтетическую природу. Годы войны закрепили в советском народе способность долгое время выносить трудности бытия и интенсификации труда. После завершения войны в общественно-индивидуальных целях происходит сдвиг — максимально увеличивается значение чувства созидательного труда. В подавляющей массе советские люди не впадали в отчаяние или разочарования, а продолжали напряжённо трудиться, делая своё дело. Это было поколение, которое пережило гражданскую войну, прошло тяжелейшие испытания, связанные с коллективизацией,

индустриализацией, безумием политических репрессий. В трудовой деятельности дальневосточников больше всего проявлялись признаки преодоления послевоенного «социального шока». Демобилизованные вливались в производственные коллективы, функционировавшие в условиях жёсткой дисциплины и абсолютного самопожертвования во имя государства.

Многие фронтовики продолжали трудовую деятельность на заводах, с которых уходили на войну (например, первостроители г. Комсомольска-на-Амуре). В 1946 г. газета «Красное знамя» (Приморский край) рассказала о передовике В.Д. Толстенко, вернувшемся после демобилизации на завод, где работал до войны [8, с. 90]. Не всегда бывшие фронтовики могли получить равноценную работу, как было записано в законе. Отстаивая свои права, они обращались в местные органы власти. Так, в письме участницы войны Д.Д. Гончаровой говорилось, что, вернувшись на прежнюю работу, она получала оклад вдвое меньше. В заявлении А.Х. Климникова сообщалось, что ему предложили работать в местном радиовещании. Он до войны 17 лет работал в газетах и хотел бы трудиться на том же поприще. В справке контролёра по Амурской области при уполномоченном Комиссии партийного контроля приводились факты, когда руководители предприятий отказывались принимать на прежнюю работу демобилизованных [8, с. 90]. Фронтовикам приходилось зачастую преодолевать барьеры советского бюрократизма.

В первые послевоенные годы многие участники войны становились учениками на предприятиях, получали новую профессию. Например, в Амурской области преобладало обучение профессиям тракториста, комбайнера, шофёра. В больших городах страны (Москва, Ленинград) многие фронтовики пополняли вузы и техникумы. По данным на 5 февраля 1946 г., в Приморье стали учиться 146 чел., 0,5% от числа прибывших, в Амурской области на 1 января 1947 г. — 679 чел., 2,2% [31. Оп. 1. Д. 61. Л. 36—37; 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 55; 33. Оп. 3. Д. 775. Л. 1]. Для некоторых участников войны этот выбор стал основой их социальной адаптации, дальнейшего профессионального и карьерного роста.

Фронтовики прибывали на Дальний Восток после демобилизации по направлениям и призывам из других районов Советского Союза. С одной стороны, их трудоустройство не вызывало проблем, так как в большинстве своём они были уже состоявшимися специалистами, которых не хватало в дальневосточном регионе; с другой — их адаптация к мирной жизни осложнялась необходимостью приспособиться к специфическим, в том числе и климатическим, условиям жизнедеятельности. В Приморье демобилизованные из армии к концу 40-х гг. составляли 17—18% трудоспособного мужского населения [34, с. 105]. На работу пытались устроиться и прибывшие с войны инвалиды. В 1945—1953 гг. свыше 80% из них были трудоустроены [8]. В Хабаровском крае на 1 марта 1947 г. на учёте состояло 10 215 инвалидов Великой Отечественной войны, из них работали 82,7% [4. Оп. 19. Д. 12. Л. 25]. В 1948 г. 45% инвалидов, проживавших в Приморском крае, трудились в промышленности и кооперации, 36,1% — в учреждениях и организациях, 18,9% — в сельском хозяйстве; в 1949 г. соответственно — 45,3; 38,5; 18%; в 1952 г. — 39,1; 37,5; 23,4% [32. Оп. 34. Д. 64. Л. 49—50; 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 40; Д. 208. Л. 6; Д. 93. Л. 8]. Среди инвалидов были и передовики производства [4. Оп. 19. Д. 12. Л. 26; 8, с. 101; 32. Оп. 34. Д. 223. Л. 92]. В трудоустройстве инвалидов руководители предприятий и учреждений часто проявляли прагматизм: под различными предлогами не брали на работу, увольняли при первой же возможности [8, с. 104—106]. Основной вопрос, с которым обращались бывшие участники войны, в том числе и инвалиды, в органы власти, касался не материальной помощи, а проблемы трудоустройства. Бывшие участники войны, инвалиды, об-

рашались в органы власти в основном по трудоустройству. В 1948—1956 гг. этой проблеме было посвящено свыше 50% писем и обращений [8, с. 106], что свидетельствует о высоких моральных качествах и социально-психологической устойчивости людей послевоенных лет.

Для повседневной жизни бывших воинов характерно героическое и проблемно-адаптационное поведение, иногда это проявлялось в особо контрастной форме: неучастие в труде на государственных предприятиях, невыполнение плана в общественном секторе сельского хозяйства, занятие только собственным хозяйством, а порой спекуляцией и др. Всё это подвергалось критике и принятию жестких мер со стороны партийных органов. Наряду с такой чертой социально-психологического состояния участников войны, как стремление к труду, материально обеспечить свою семью, активно участвовать в общественно-политических мероприятиях, были и деструктивные проявления, которые отражали изменения в психике людей, побывавших в условиях боевых действий. Некоторые объективные признаки «социального шока»* прослеживались и у вернувшихся на малую родину, либо приехавших по личным обстоятельствам на Дальний Восток.

Выход из состояния социально-психологической напряжённости оказался длительным, «комплекс силы» чрезвычайного военного времени в регионе исчезал постепенно. Криминогенный фактор представлял угрозу советскому обществу, и политическое руководство это понимало, объективно оценивая обстановку. В 1940—1947 гг. проявления бандитизма в СССР увеличились в 5,4 раза, случаев грабежей и разбоев — в 2,4 раза. Наибольший рост этих преступлений пришёлся на 1944—1947 гг. Для сравнения: число осуждённых на 100 тыс. чел. в 1939 г. составляло 581,5 чел.; в 1946 г. — 713,5 чел.; 1947 г. — 853,4; 1948 г. — 624,2; 1949 г. — 540,7, 1957 г. — 526; 1959 г. — 416; 1960 г. — 243 чел. [15. Оп. 6. Д. 14. Л. 17; 36. Оп. 89. Д. 4408. Л. 2—3]. Было введено такое понятие, как «численность криминальных бандпроявлений». Образование криминальных групп стало типичным для всех регионов страны. Уровень их преступной деятельности на территориях, где прошла война, был выше, чем в тылу. Но с учётом протяженности Дальнего Востока и численности населения последствия их преступной деятельности оказались в регионе более тяжелыми. Банды, орудовавшие на Дальнем Востоке, отличались жестокостью [25, с. 102—108].

В 1947 г. разгул преступности в СССР резко возрос [37, с. 173, 175, 189; 38, с. 35—52], в том числе и на Дальнем Востоке. Обстановка в регионе отражала общие тенденции развития событий в стране, а также причины роста преступности. «Комплекс силы» проявлялся в различных формах девиантного поведения в обществе, в том числе в кражах. Их объектом становились люди, материальное положение которых выделялось на фоне нищеты. В микроколлективах (деревня, село, городские многоквартирные дома и др.), где преобладала бедность, люди доверяли друг другу. Тогда утвердилось мнение, что в СССР после войны не было массового воровства и «ключ держали под ковриком».

В годы войны снизилась численность осуждённых за хулиганство, после войны наблюдалась тенденция роста. Хулиганство приобретало опасный характер и являлось признаком кризиса социального порядка, а также идеологического контроля над обществом. В центральных регионах СССР атмосфера страха перед

* В современной литературе выделяются три стадии процесса адаптации: социальный шок, мобилизация защитных средств (адаптивных ресурсов), ответ на вызов среды. См.: Корель Л. В. Социология адаптации: этюды социологии. Новосибирск, 1997. С. 122.

уголовным элементом стала исчезать к началу 50-х гг., на Дальнем Востоке она сохранялась до конца десятилетия, в том числе из-за политической акции правительства — амнистии 1953 г., когда на свободу выпустили уголовников и лагерная преступность выплеснулась за пределы пенитенциарной системы.

Процесс самоидентификации части послевоенного социума и внутренняя политика предопределили во многом и состояние всего общества. В регионе значительно повысилась социально-психологическая ответственность женской части общества за преодоление последствий войны, что способствовало переходу от одного типа воспроизводства населения к другому и повышению роли и статуса женщины в дальневосточной семье. Самым тяжким, но кратким по времени, отражением адаптации и «комплекса силы» стали многочисленные факты участия бывших фронтовиков в различных видах преступлений. Таким образом, несмотря на то, что Дальний Восток не был подвержен разрушениям, население региона испытывало огромные тяготы послевоенных социальных последствий, которые выражались в разных формах реакций, порой противоположных по своей сущности.

Выход из экстремальных послевоенных условий в дальневосточном регионе обеспечивался прежде всего сформированными в советском обществе государственными приоритетами, что особенно ярко проявлялось в трудовой деятельности дальневосточников, в том числе демобилизованных.

Военные годы не только подорвали демографический потенциал региона и источники естественного воспроизводства, но и повлияли на семейно-брачные отношения, обострив выход дальневосточного сообщества из социального кризиса. Война также законсервировала «комплекс силы» в обществе, обострив проблему преступности среди молодёжи. Период выхода из послевоенного «социального шока» характеризуется и сменой состава населения, спецификой прибывавших «новосёлов» в регион.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Барулин В.С. Российский человек в XX в.: Потери и обретения себя. СПб.: Алетейя, 2000. 431 с.
2. Ващук А.С. Социальная политика СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
3. Слабнина Л.А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР (1946 — начало 60-х гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 214 с.
4. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П-35 (Хабаровский краевой комитет КП РСФСР).
5. ГАХК. Ф. Р-719 (Статистическое управление Хабаровского края).
6. ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф. Р-131 (Статистическое управление Приморского края).
7. ГААО (Государственный архив Амурской области). Ф. 480 (Амурское областное статистическое управление).
8. Ульянова М.В. Опыт адаптации участников Второй мировой войны к условиям мирной жизни на Дальнем Востоке СССР [Электронный ресурс]. 1945—1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: РГБ, 2005. 180 с. (Из фондов Российской государственной библиотеки).
9. ГАПК. Ф.Р-354 (Приморский краевой суд).
10. Карпова Г. «Выпьём за Родину!» Питейные практики и государственный контроль в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица. 1940—1985. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2008. 376 с.

11. Центр хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО). Ф. 21 (Магаданский обком КПСС).
12. Детерев Ю.М. Демографическая ситуация в СССР в 40-е годы (по документам особой папки Сталина) // Отеч. архивы. 1996. № 2. С. 27—34.
13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-262 (Государственная плановая комиссия Совета министров РСФСР. Госплан РСФСР).
14. ГАРФ. Ф. А-385 (Верховный Совет РСФСР).
15. ГАРФ. Ф. Р-9492 (Министерство юстиции СССР).
16. ГАРФ. Ф. 9415 (Главное управление милиции МВД СССР).
17. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1975 гг. М., 1975. Т. 2. С. 608.
18. Бацаев И.Д. Амнистия 1953 г. и её влияние на промышленный комплекс Дальстроя // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан, 2004. С. 206.
19. Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932—1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. 217 с.
20. Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30—50-х годах XX в. Магадан: Кордис, 2004. 283 с.
21. Сидоров А.А. От Дальстроя СССР до криминального капитализма (фрагменты прожитых лет) // Колым. вести. № 18. С. 41.
22. ГААО. Ф. 183 (Транспортный суд Амурской железной дороги).
23. СЦДНИ (Сахалинский центр документации новейшей истории). Ф. П-4 (Сахалинский областной комитет КП РСФСР).
24. ГАПК. Ф. 1210 (Управление Министерства юстиции РФ по Приморскому краю).
25. Вашук А.С. Криминальная ситуация на Дальнем Востоке России в 1945—1950-х годах // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 4. С. 102—108.
26. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1961. М.: Изд-во «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961.
27. РГАСПИ (Российский государственный архив политической истории). Ф. 17 (Фонд ЦК КПСС).
28. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство. М.: Ин-т Российской истории РАН, 2001. 365 с.
29. Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // СОЦИС. 1994. № 10. С. 76—94.
30. ГАХК. Ф. П-331 (Уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю).
31. ГАПК. Ф. П-84 (Уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Приморскому краю).
32. ГАПК. Ф. П-68 (Приморский крайком КПСС).
33. ГААО. Ф. П-1 (Амурский областной комитет КП РСФСР).
34. Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. 224 с.
35. ГАПК. Ф. Р-1195 (Отдел социального обеспечения исполнительного комитета Приморского краевого совета трудящихся).
36. ГАРФ. Ф. 7523 (Президиум Верховного Совета СССР).
37. Бурдс Дж. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944—1953 гг. // Социальная история: Ежегодник. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
38. Зима Ф. Голод в России в 1946—1947 гг. // Отеч. история. 1993. № 1. С. 35—52.